

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

От Москвы до Берлина

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сергей Петрович Алексеев

От Москвы до Берлина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=330632

*От Москвы до Берлина / С. Алексеев: АСТ, Астрель, Харвест; Москва;
2007*

ISBN 5-17-040970-2, 5-271-15755-2, 978-985-13-9435-3

Аннотация

Автор этой книги – известный писатель, лауреат Государственных премий СССР и России, Сергей Петрович Алексеев – участник Великой Отечественной войны, и каждый его рассказ – еще один штрих войны, еще одна боль о погибших друзьях, еще один поклон победителям.

Содержание

Сергеев Алексей	4
Глава первая	7
Холм Жирковский	7
Вязьма	11
Генерал Жуков	14
Тульские пряники	17
«Знай наших!»	19
Орлович-Воронович	22
Отдельный танковый батальон	25
Испаряются	29
«Барон Мюнхаузен»	32
Ух ты, мама!	36
Доватор	39
Пасть	44
Глава вторая	47
«Гвоздильный завод»	47
Буль-буль	50
Мамаев курган	53
Злая фамилия	56
Данко	59
Сталинградская оборона	62
Геннадий Сталинградович	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Алексеев

От Москвы до Берлина

Сергеев Алексей
Дорогие ребята!

Эта книга о том, как мы победили немецких фашистов. Шёл 1941 год. На рассвете 22 июня враги вероломно напали на нашу Родину. Фашисты хотели захватить наши земли и поработить наших людей. Началась Великая Отечественная война народов Советского Союза (так в те годы называлась наша страна) за свою свободу и независимость.

Для нас война началась неудачно. Враги напали неожиданно. Фашисты были сильнее. Лучше вооружены. Наши армии отступали.

Трудным был путь к победе. Вся страна сражалась с фашистами. Шли бои на земле, в небе, на море. Прогремили великие битвы: Московская, Сталинградская, битва на Курской дуге. 250 дней не сдавался врагам Севастополь, героический Севастополь. 900 дней в страшной блокаде стойко держался Ленинград. Отважно сражался Кавказ. На Украине, в Белоруссии, в других местах громили захватчиков партизаны. Миллионы людей, в том числе и дети, самоотвер-

женно трудились у заводских станков и в полях страны. Враг был сломлен. Фашисты отступали, но упорные бои продолжались.

Весной 1945 года наши войска подошли к столице фашистской Германии – городу Берлину. Началась последняя из грандиозных битв Великой Отечественной войны. Берлин был взят штурмом. Фашистская Германия признала полное своё поражение.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся парад Победы. Шли, шли по Красной площади воины-победители. Потом вдруг одна из рот резко остановилась, повернулась лицом к Кремлёвской стене и швырнула на землю знамёна побеждённых фашистов. А вечером был салют. Взлетали, взлетали, взлетали над торжествующей Москвой разноцветные огни. Казалось, сама радость взлетала в небо.

Вместе с нами против фашистов сражались и другие государства: Соединённые Штаты Америки, Англия, Франция, Югославия, Польша, другие страны. Они были нашими союзниками и очень помогли нам в борьбе с врагами.

Хорошо помню первый день этой страшной войны. Я был молод, только что закончил московскую десятилетку, был принят в школу военных лётчиков. Наша школа находилась далеко на западе страны, рядом с советско-германской границей. В первый же день войны мы вступили в бой с фашистами. Нас было сто человек москвичей. Почти все мои друзья в этом бою погибли.

Завершилась война. Я стал детским писателем. Начали выходить мои первые книги: «Небывалое бывает», «История крепостного мальчика», «Рассказы о Суворове и русских солдатах», «Птица-слава», «Сто рассказов из русской истории». Мне очень хотелось написать книгу для детей о войне с фашистами. Она всё не получалась, не получалась. Давила память о прошлом. Боль о погибших друзьях и товарищах. Писал книгу долго, мучительно. Годами и годами. Рассказ за рассказом.

Каждый рассказ – ещё один штрих войны.

Ещё одна боль.

Ещё одна радость наших военных успехов.

Ещё один поклон победителям.

Книга о Великой Отечественной войне стала самой дорогой, самой святой для меня книгой.

Всё меньше и меньше остаётся людей моего возраста. Всходят новые травы. Рождаются новые поколения.

Дорогие ребята! Вы молоды. Вся ваша жизнь впереди. Желаю вам много счастья. Пусть минуют вас беды и войны. Пусть окружают вас люди, подобные героям этой книги. Любите своих родителей, свой дом, свою школу, свою великую Родину. Любите, и она вам ответит тем же.

Итак, перед вами книга о бессмертном подвиге нашего народа. Переверните страницу, и вы уже на полях сражений, среди битв и героев великой войны с фашистами.

Глава первая

Конец «Тайфуна»

Холм Жирковский

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» – называли фашисты план своего наступления. Тайфун – это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подошли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам – какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

– Форвертс! Вперёд! – прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: – Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищал Холм Жирковский вместе со всеми солдат Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Засели солдаты в окопах.

Ползут на окопы фашистские танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе немецкий танк.

– Бросай, бросай, – шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

– Бросай же, леший тебя возьми! – уже не шепчет – кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

– Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам. Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты – батюшка свет! – всё поле в подбитых танках: земли

и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

– Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

– Не Жирковский, считай, Жарковский, – кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

– Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду фашистам жарко, всюду Холмы Жарковские.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – рапортуют фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

– Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... – Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застрали враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – докладывают фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

– Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, – пытается что-то сказать тот, смелый. – Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застреляли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?!

– Нет, – за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал...

Слушает Гитлер:

– Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

– Фридрих Великий сказал, – повторил генерал, – русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фю-

рер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь на полях, на холмах под Вязьмой сотни лежат героев.

Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом – фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

– Вот тут, – докладывают, – у Юхнова, западнее города... – и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

– Нет, нет, не здесь они, а вот тут, – поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

– Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, – говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

– Вот тут, – находят на карте город Медынь, – на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, – и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

– Так, так, правильно, – говорит Жуков. – Только силы не

вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы — обстановку знаете, — похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медыню, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстоя-

ли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и вовсе разбили напавших на нас фашистов.

Тульские пряники

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренёк, находчивый, весёлый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошёл к готовым минам. Наклейки на мины – шлёп, шлёп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

– Вот так фашистам «сладость».

– Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят сапёры на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник».

Смеются солдаты:

– Ай да «сюрприз» фашистам!

– Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждём новую партию „тульских пряников“.

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Всё, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны, миномёты и мины, – стали называть они тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да всё напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

«Знай наших!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их – сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

– Э-эх, картечью бы в это месиво.

– Верно – картечью, – подтверждает второй.

– Да, картечью бы в самый раз, – соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

– Эх бы пушку сюда, – произнёс один.

Второй добавляет:

– А к ней – снаряды.

– И смелых ребят к орудию, – включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протёрли глаза солдаты – считай, мерещится. Нет! Всё настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам – на полном карьере – слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались – упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

– Ну, знай наших! – прокричал офицер. – Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

– Знай наших! Знай наших! – кричал офицер. – Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвёртый. Поднял снежные вихри пятый.

– Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулемётным огнём солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из вида. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» – вот и всё, что на память об отважных бойцах осталось.

Орлович-Воронович

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперёд фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбивают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжёлого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О лётчиках речь, о танкистах – вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не лётчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идёт Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилёг Воронович на землю. Зорче ещё всмотрелся. Видит – у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат

– привал у врагов. И верно – достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд – там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Вперёд!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты.

– Один – и четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! – смеялись солдаты. – Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

Отдельный танковый батальон

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжёлые бои идут у посёлка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты. Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Всё тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

– Хорошо, – говорят начальники. – Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошёл танкист к командиру полка, руку к шлему поднёс, представился:

– Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен – нет сил – командир полка. Мало того, что доволен – счастлив. Обнял офицера:

– Спасибо, браток, спасибо. – И сразу конкретно к делу: – Сколько в батальоне танков?

– Одна машина, – отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

– Сколько-сколько? – не верит своим ушам командир полка.

– Одна машина, – повторяет танкист. – Одна осталась...
Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка – словно кто-то огромный дунул – секундой слетела. Танк «Т-37» самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемёт – вот и всё вооружение. Броня толщиной с мизинец.

– Жду боевую задачу, – сказал танкист.

«Катись к чёрту – вот и вся боевая задача», – хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

– Направляйтесь в распоряжение первого батальона, – сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте подержит бронёй пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идёт к солдату – прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперёд фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой ещё четыре. Теперь уж не только первому батальону – всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист – молодой, возбуждённый, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью. Подошёл к танкисту командир полка, крепко обнял героя: – Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действи-

тельно танковый батальон.

Испаряются

По-прежнему рвутся вперёд фашисты. Однако непросто даётся врагам победа. Прорвали фашисты советский фронт под городом Наро-Фоминском.

Торжествуют фашистские генералы:

– Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин: «Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать... Деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил врагов заслон. Разгорелся смертельный бой.

Был у фашистов один лейтенант. Своеобразно любил докладывать. Прибыл лейтенант на доклад к полковнику.

– Ну как обстоят дела?

– Убывают.

– Что убывают?

– Как дни.

– Что, как дни?

– Зимой.

– Что зимой?

– Убывают наши силы, как дни зимой.

Не прорвались фашисты к Москве со стороны Наро-Фоминска, наносят удар южнее. Прошли пять километров...

десять... пятнадцать... Село Петровское. Но и здесь, у Петровского, перегородили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой.

Был у фашистов один лейтенант. Прибыл лейтенант на доклад к полковнику.

– Ну как обстоят дела?

– Тают.

– Что тают?

– Как снег.

– Что, как снег?

– Весною.

– Что весною?

– Тают наши силы, как снег весною.

Не прорвались фашисты к Москве со стороны села Петровского. Повернули фашисты на север. Устремились к станций Голицыно. Но и здесь ожидал их заслон. Разгорелся смертельный бой.

Прибыл лейтенант на доклад к полковнику:

– Ну как обстоят дела?

– Испаряются.

– Что испаряются?

– Словно роса.

– Что, словно роса?

– В июле.

– Что в июле?

– Испаряются наши силы, словно роса в июле.

Не прорвались фашисты к Москве и со стороны Голицыно.

Идут упорные сражения за Москву. Всё новые силы бросают фашисты в бой. Убывают, тают, испаряются эти силы.

«Барон Мюнхаузен»

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебёдка. Стальной трос, как нитка, ползёт по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Всё ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают верёвки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетасчат аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдёт за людьми машина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвётся и рвётся с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дёрнуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воз-

духе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебёдка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

– Бросай фалы!

– Бросай фалы! – кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чём дело. А когда разобрался – поздно. Земля далеко внизу. Всё выше и выше аэростат.

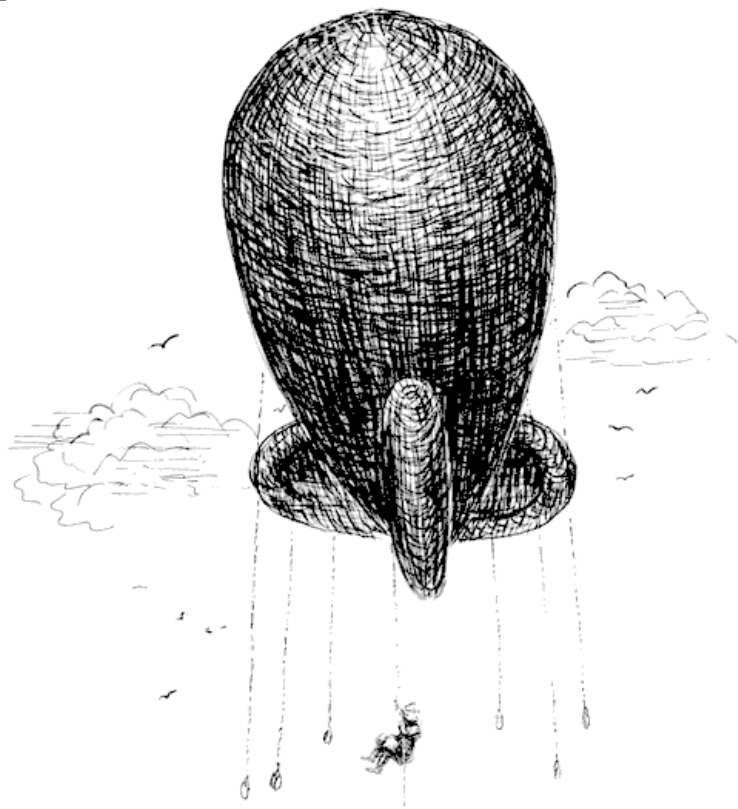
Держит солдат верёвку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться? Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный вниз.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами верёвку. Легче теперь держаться. Дух перевёл, передохнул. Петлю ногами на верёвке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в неё уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орёл, над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несёт его в сторону фронта. Вот и район боёв, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном

шаре.

Несёт ветер солдата всё дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнём на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет махина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное – вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в своё время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхаузен.

Всё хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полёт поверил. Только Велигура начнёт рассказывать, сразу друзья кричат:

– Ну, ну, ври, загибай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несётся:

– Барон Мюнхаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

Ух ты, мама!

Был один из самых тяжёлых моментов Московской битвы. Бои шли севернее Москвы, на Рогачёвском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Захватили фашисты рабочий посёлок Красная Поляна, подошли к железнодорожной станции Лобня.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это – расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну огромную дальнобойную пушку. Стали её устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают. Не могут скрыть торжества солдаты:

– Мы первыми из всех по Москве ударим!

– Награда от фюрера будет!

Суется артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда – рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возьются фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванёт команду. Вот она, радость боя!

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Возьются фашистские солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне ближе.

Переглянулись немцы:

– Ближе!

– Ближе!!

Вот и несётся уже «Ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили её бойцы. Любопытно на пушку глянуть.

Видят солдаты гигант-трофей:

– Ух ты, мама!

– Неужто взяли?

– Вот бы сейчас – по Гитлеру!

– Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришёл приказ пушку отправить в тыл. И всё же задержались чуть-чуть солдаты. Подождёт пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понёс.

А через несколько дней советские войска перешли в грандиозное наступление. Разгромили они под Москвой фашистов.

Доватор

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искомётен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

– Наших кровей – казацких!

Спряч бойцы, откуда он родом:

– С Дона.

– С Кубани!

– Терский он, терский.

– Уральский казак, с Урала.

– Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

– Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

– Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка – вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

– Шутки комкор пускает.

И снова:

– Терский!

– Оренбургский!

– Донской!

– Кубанский!

– Уральский!

– Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей, казак.

Ещё в августе – сентябре конная группа Доватора ходи-

ла по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи – 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 000 кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 000». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора – 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идёт по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

– Доватор! – кричат. – Доватор!

Услышат удар копыт.

– Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они предателю. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф для врагов Доватора.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идёт.

Пасть

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это. Зима. Наступали наши. Громили фашистов. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное – нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и невредимым доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешёл через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой – с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое – один с ведром, с ручным пулемётом двое.

Таких не возьмёшь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промёрз. Коченеют спина и руки. Однако сидит выжидает. Знает: лишь упорных удача ждёт.

Дождлся разведчик своей минуты.

Видит – на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Пытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок. Сжались зубы, назад ни с места. Мёртвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повёл через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чём дело:

– Глянь, глянь – Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведёт за губу человека.

Узнав, в чём дело, смеялись до слёз солдаты:

– Евстегнюк карася поймал!

– Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

– Щипом, щекоткой его возьми!

– Штыком надави!

– Дёрни за нос, за ухо!

Бьются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть волоки домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация – глупее не может быть. Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. Ни честь отдать начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

– Ура! Разжали!

Нашёлся один смекалистый:

– Не эта важна. Не эта. Занеслись на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

Глава вторая

Стальное кольцо

«Гвоздильный завод»

Потерпев поражение под Москвой, летом 1942 года фашисты начали новое наступление, они двигались к Дону и Волге, начали сражение за Сталинград. Бои шли на улицах города.

Недалеко от вокзала в подвале одного из домов советские солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» – в шутку называли солдаты дом.

Здесь – сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не всё здание находилось у советских воинов. Часть у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвёртая – и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту чувствовать. Среди солдат – Василий Кутейкин. И ему хорошо оттого, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль – показался огромный проём в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждёт, а взрыва всё нет. Приоткрыл он глаза. Видит – схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проём, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит – вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждёт он бесславной смерти. «Раз, два, три», – про себя считает. А взрыва всё нет. Открыл Кутейкин глаза – взрыва нет и гра-

наты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела ещё одна. Смотрит – и вправду летит граната.

– Моя! – закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

– Не подходи – моя!

Схватил гранату и тут же её туда – к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проёму. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли выстрелы, подошли, заглянули бойцы в проём.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

– Да, нагвоздили, – произнёс младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

– Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

Буль-буль

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге. Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

– Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

– Рус, завтра буль-буль. – И уточняет: – Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

– Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

– Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, при-

целился.

– Не трожь! – строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивлённо. Пожал плечами. Отвёл винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», – поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят – сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

– Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

– Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты – верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый – «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше

в штаб.

Однако дорóгой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

– Буль-буль, буль-буль! – кричит озорно Турянчик.

Буль-буль, – пускает фашист пузыри. Трясётся, как лист осиновый.

– Не бойся, не бойся, – сказал Носков. – Русский не бьёт лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

– Буль-буль, – прощаясь, сказал Турянчик.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган – самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперёд.

– Вперёд! Вперёд! – до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и

опять:

– Вперёд!

Лежат солдаты, не поднимаются.

– Вперёд! – кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. – Вперёд!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы корёжат рот.

– Вперёд! – кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

– Они же мёртвые, товарищ лейтенант, – тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял – солдаты мёртвые. Живы только они вдвоём – он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь внизу у кургана назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвёртый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет – страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку – сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

– В атаку! – снова прошла команда.

Снова к вершине ведёт Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит – раскатом грома гремит «Ура!». «Что бы такое?» Решает – причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

– Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили. В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

– Всё же наша взяла, – произнёс лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские чёрные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови всё так же дугой, как месяц.

Злая фамилия

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, – первый вопрос:

– Фамилия?

– Трусов.

– Как-как?

– Трусов.

– Д-да... – протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

– Как фамилия?

– Рядовой Трусов.

– Как-как?

– Рядовой Трусов.

– Д-да... – протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

– Видать, твой предок в героях не был.

– В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

– Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

– Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

– Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, – сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

– Молодец! – похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт.

Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

– Герой! – сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой.

Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.

– О-о! – вырвалось у командира отделения. – Ну, брат,

злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит – глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

– За что награждён, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская – дела человека красят.

Данко

Данко – сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в тёмном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда в заводской район и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломила силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клёши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулемёты. У матросов одни гранаты. И те на исходе. Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулемётов, брони и пушек. Но вот наступил момент – нет у Паникаха больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаха. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занёс бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаха. Мгновение – и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

– Нет, не пройти фашистам! – прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занёс бутылку. Ударил по решётке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брыз-

нул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты.

Многое стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных.
Живёт, не старея, память о подвиге Паникаха.

Сталинградский Данко – назвали его товарищи. Таким он
вошёл в историю.

Сталинградская оборона

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков – боевой, решительный генерал.

Наступая, фашисты однажды прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

– Товарищ командующий, противник рядом, – доложили Чуйкову.

– Вот и прекрасно, – сказал Чуйков. – Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада – открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолёты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

– Опасно, товарищ командующий, – рядом огонь!

– Вот и отлично, – сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. – Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

– Товарищ генерал, да где это видано – осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

– Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтной витамин на злость.

– «Витамин»! – пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты – боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона – это атака. Атакует всё время Чуйков противника. Не даёт фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждёт указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления – как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут

дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провёл стрелку.

– Вот здесь, – сказал, – завтра вместе с соседом справа начнёте атаку. Цель – уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

– Так это, выходит, товарищ командующий, не оборона, а целое наступление.

– Нет, оборона, – сказал Чуйков. – Сталинградская оборона.

Чуйков – атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Василий Иванович Чуйков стал Маршалом Советского Союза.

Геннадий Сталинградович

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боёв, среди дыма, металла, огня и развалин, солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

– Как тебя звать?

– Гена.

– Сколько ж тебе годов?

– Пять, – важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышлёным был мальчик. Прошёл всего день, а он уже

почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог называть всех по имени-отчеству.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Смекалистый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

– Здравствуйте, Павел Васильевич!..

– Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..

– Здравия желаю, Семён Никодимович!..

– Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые – все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

– Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

– Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

– Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

– На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

– Доброй дороги тебе, Сталинградович!

– Сил набирайся!

– Мужай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.